

Его хорошія чувства къ Зинѣ значительно усилились; онъ даже писалъ на-дняхъ пріятелю своему Иву Блэзо,—что съ нимъ бывало рѣдко,—о пріѣздѣ Зины, о томъ, что она родителей не стыдится и даже матери, и вообще гораздо лучше своего „супруга и повелителя“.

Рынинъ, не ускоряя шага, безъ сгибанія колѣнъ, подошелъ къ своему тестю и пожалъ его руку съ легкимъ, военнымъ поклономъ. Они были съ нимъ на „вы“; такъ установилъ Рынинъ, но Мартынъ Лукичъ переходилъ, когда ему вздумается, и на ты.

— Зина,—кликнулъ ее отецъ,—mon enfant, ты тоже съ нами?

— Куда?—спросила она по-русски, что строго соблюдала при Лукашинѣ, хотя и знала, что онъ понимаетъ языкъ и можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, объясняться на немъ.

— Да во всякія мѣста... увеселительныя... Довольно вамъ точно монашкамъ... по соборамъ все да по ризницамъ. Mon gendre!.. Vous percrevez, mon bon, и безъ этого! Въ государственные люди мѣтитъ!—указалъ онъ на Рынина доктору и сдѣлалъ смѣшную мину: выпятилъ впередъ обѣ губы съ закрытыми глазами.

Лукашинъ едва удержался отъ того, чтобы не прыснуть. Рынинъ чуть замѣтно покраснѣлъ.

Ногайцевъ послѣ того повернулся на каблукъ и пошелъ въ спальню, откуда крикнулъ:

— Сейчас! Будьте какъ дома... Левонтій!—еще громче позвалъ онъ лакея и растворилъ изъ спальни дверь въ заднюю комнату.

Рынинъ сѣлъ на диванъ, вытянулъ свои длинныя ноги на коверъ, перевелъ духъ и полѣзъ въ карманъ рейтузъ за папиросницей и огнемъ.

Всѣ трое сидѣли они въ позахъ не то паціентовъ, не то ожидающихся очереди у адвоката или въ присутственномъ мѣстѣ. Первый прервалъ молчаніе Рынинъ и спросилъ Лукашина:

— А какъ здоровье Германа Францовича Куна?

— Попрыгиваетъ... сегодня гулялъ, прошелъ всю Алексѣевскую просѣку... одинъ... И никого не захотѣлъ взять съ собой! Даже и жуликовъ не боится.

— Кого?—спросила Зина.

— Это то, что въ Петербургѣ мазурики, — объяснилъ ей Рынинъ и прибавилъ:—воры.

— Днемъ?—удивилась Зина:—здѣсь?

— И еще какъ!—вскрикнулъ Лукашинъ.